

РЕПОРТАЖ

Кубань-Калаусская обводнительно-оросительная система охватит обширную зону Ставрополя, равную по величине такому государству, как Бельгия. Об этой гигантской стройке, о мужественных и скромных преобразователях природы и хочется рассказать в этом коротком репортаже.

ГДЕ БУДЕТ ГУЛЯТЬ ВОЛНА

Щедрый седой Эльбрус веками отдает дочери Кубани свое богатство, наполняя ее берега водой. Скоро по каналу придет она, шумливая, и сюда. Растворит вековую горечь Большого соленого озера (что под Черкесском), разольется у подножия плотины и засверкает гигантским зеркалом. Астрономическими циф-

рами будут исчисляться запасы воды в этом хранилище.

А пока что здесь, в низине, меж двух соленых озер, рабочие «Ставропольстрой» воздвигают плотину, готовят новорожденному богатырю «сухую» постель из вязких суглинков.

Летом, на подсохшую корку, грунт класть нельзя. Приходится верхний слой поливать, а зимой... — Ох, эта зима качает головой Алексей Андреевич Заровный, начальник СМУ-5.— Оставила она нам соленую память в прошлом году. Не успеют бульдозеры раскатать навалы, а катки утрамбовать, как налетит пурга, наметет горы снега, придется все очищать, сбрасывать под откос и снова подвозить грунт — в общем все сначала...

Трудно себе представить без ориентира в степи, где будет конец

семикилометровой плотины. Наверное, он сольется с сизой полоской горизонта. Уже целый час мы идем по готовому горбу плотины.

День выдался солнечный. Все ожило, засуетилось. Ревут груженные самосвалы, вереницей вползая на откос плотины, сваливают гравий и, облегченные, ломая тонкий хрустящий ледок, раскидывая липкую глину, на бешеной скорости уносятся к Черкесску.

А сюда, к старому поселку, обреченному на снос, пришагали экскаваторы, они оставили после себя глубокие траншеи, и поселок с молочной фермой оказался на обрыве. На одном из корпусов экскаватора крупными буквами написано «Комсомольский». Красная краска надписи выгорела. Бригада возмужала. Уже партийные билеты лежат в

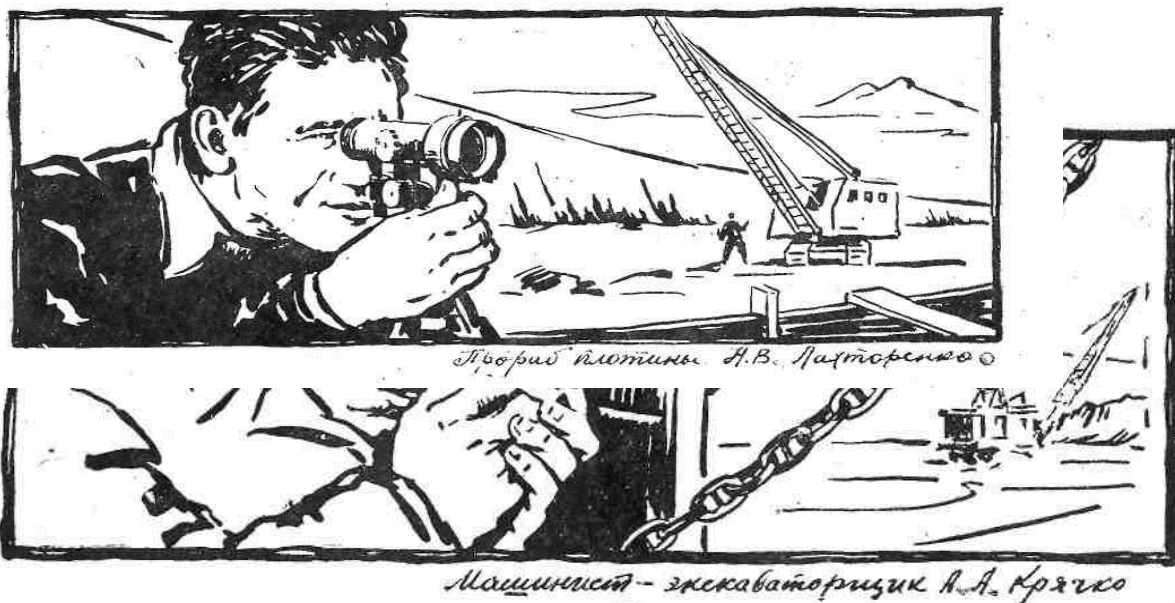
карманах у бывшего комсомольского экипажа. Но слово «Комсомольский» они не хотят заменять. Коммунисты — они трудятся с юношеским задором.

— Шестой год машинистом работаю, — говорит Крячко. — Техника к нам прибывает новая, а вот курсов по подготовке нет. Что думает начальство?

По всей долине на два метра ниже самого основания закладывается «зуб» плотины из вязких суглинков, и потом только наращивают плотину до отметки. Не будь этого «зуба», в фильтрующих

строители эти вязкие суглинки. На них рвутся стальные гусеницы, тросы, ломаются бульдозеры, скреперы, самосвалы. Покалеченные машины — иные идут своим ходом, других тащит на буксире мощный тягач в приемную «скорой помощи», к «доктору», коммунисту Василию Чернышеву. Он еще очень молод этот «доктор». Коренной ставрополец из села Благодарного, после десятилетки Василий ушел в армию, чтобы «закалиться», как он говорит. Вернулся, пошел учеником по газосварке. Василий режет, сшивает израненные места машин,

движется гигантская лента транспортера, сплошь заставленная автомашинами. От экскаваторов, что стоят на самом краю глубоких карьеров и черпают янтарную глину, тянется эта лента в другой конец — к плотине. Здесь все растут и растут желтые горки. Бульдозеры, скрежеща гусеницами и скрипя всем, чем можно скрипеть, раскатывают эти горки в одну ровную желтую постель. За ними движется серое чудище — пятидесятитонный автокатор. Он топчется из конца в конец, не переставая ни днем ни ночью, до тех пор, пока

грунтах, в земляных трещинах, вода Кубани нащупает слабинку и вырвется на волю — тогда не жди добра. И вот этот необычный «зуб» делают скреперы бригады Николая Павловича Новосельцева.

***

Тяжелыми грунтами называют

и, получив помощь, они снова идут в наступление на суглинки, на гравий, на бездорожье.

Если подняться на последний ярус плотины и сверху посмотреть на дорогу, по которой непрерывной цепочкой в два конца мчатся самосвалы, то покажется, будто

слой глины не станет очень плотным. А транспортерная лента все движется и движется, днем и ночью — вот уже полтора года, и будет продолжаться это движение до тех пор, пока не улягутся здесь четыре миллиона кубометров глины.

А вот и хозяин

участка — прораб плотины
комсомолец Николай

железобетонная труба.
Когда Кубань

первые слова положит он
на белый лист бумаги

Прораб насосной станции А. М. Кармазов

Лахторенко. Совсем молодой, ему лишь 24 года. Поначалу даже не верится — неужели этому сероглазому юноше, невысокого роста, по девичьи застенчивому, подвластна вся техника и все строительство необычайной плотины!

— Когда я сюда пришел,— вспоминает прораб, — оробел, хоть и диплом с отличием имею. С чего начинать? Три месяца присматривался. Старшие товарищи помогли, спасибо инженерам Борматову, Теницкому, Заровному, — он называет людей — руководителей «Ставропольстрою», кто доверил ему ответственную стройку.

ЗДЕСЬ БУДЕТОБРАТИМАЯ - УНИКАЛЬНАЯ

— Вы спрашиваете, где будет насосная станция? — говорит прораб Абрек Маджарович Кармазов. — Вон, видите, белый кол стоит? Там будет ее центр. А от домика на том бугре возьмет свое начало

станет особенно полноводна, с этого бугра по трубе хлынет из магистрального канала вода и ударится о лопасти гидротурбины, насосная станция станет гидростанцией мощностью в восемь тысяч киловатт.

А «отработавшая» вода уйдет подводящим каналом в Большое озеро, наполняя его чашу.

— Ближе к осени, когда магистральный канал будет не так полноводен, в свои права вступит насосная станция. Электроэнергия приведет в действие мощные насосы, и вода из Большого озера обратным путем через подводящий канал пойдет на поля. И эта же насосная станция погонит по трубам долгожданную воду Кубани в курортные города — Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск. Вот какая будет наша обратимая-уникальная! — закончил прораб.

Он надвинул шляпу и поднял воротник пальто, заметанного грязью. О чем думал этот комсомолец Кармазов? Может быть, о том, какие

своей диссертации, готовясь в аспирантуру. Но любое слово будет словом практика, добытым в нелегком труде здесь, на стройке.

КРАСНЫЕ «МАСТОДОНТЫ»

Здесь идет суровая борьба с плывунами и суглинками. Обычная техника: бульдозеры, скреперы—не выдерживает напряжения.

И вот в бой вступили невиданные донные машины — электрические бульдозеры: движется гора земли в сторону от котлована под натиском великана, оставляющего след рустированный след широченных гусениц. Отволоку и на большой скорости этот красный «мастодонт» в двести пятьдесят лошадиных сил идет обратно по желтому полю, по бездорожью.

— Хорош! Ох хорош! — говорит бульдозерист Леонид Федорович Базарный. — Давно мы ждали такую наступательную технику,

Л. Ф. Базарный в прошлом танкист, он знает

КАНАЛ УХОДИТ
В СТЕПЬ

Он прикрыл глаза широкой ладонью и, всматриваясь

Булдозерист Л. Ф. Базарный.

58

цену такой машине. Леонид Федорович рос и учился на глазах коллектива ставро — польстроевцев, отсюда ушел в армию, отслужил и — опять в родные места, на стройку. Его знают здесь все — пожилые и дети. За честный, бескорыстный труд правительство наградило Леонида Федоровича орденом Ленина.

А вот и сменщик Фроленко. В свое время половину России исколесил Павел Антонович. Где только не был и кем не работал. Десять лет назад из Азербайджана приехал сюда к товарищам в гости, да и не вернулся обратно. Полюбил степи, захватили горячие дела: рыть каналы, доить землю. Высокой наградой отметило государство Павла Антоновича. За окончание канала Правого Егорлыка орден Ленина украсил грудь бульдозериста Фроленко.

На трассе магистрального канала стояла каменная гора. Чтобы удешевить строительство, канал прорыли в слабом грунте у подножия горы. Но, как говорится, прогадали строители. Оползни, пльвуны прочно соединили берега готового канала — как и не было его. Так за этим участком и утвердилось скорбное название — Оползневой. И вот здесь, раздвигая гору, прогрохотали мощные взрывы, прокладывая новый путь каналу.

Теперь здесь тихо. Лишь шуршит сухой чертополох колючими листьями, да в осеннем небе слышно курлыканье журавлей. С высокого откоса видно, как в даль степи уходит, извиваясь и прячась в увалах, русло готового канала.

— Отлетают, — раздумчиво говорит мастер оползневого участка Михаил Фадеевич Калита.

ввысь, продолжал: — Куда летят? Что ищут? Не найти им лучше нашей ставропольской земли.

— Да, есть земля, есть и чертовы места на ней, как вот это, — он кивнул головой на дно котлована. — До последнего сантиметра не сдавалась. Видать, растревожили мы каменную твердь, и выпустила она против нас свою последнюю защиту — воду. Хлещут и хлещут соленые фонтаны. Долго мы их давили! А теперь вот, смотрите, какая гладь, и не найдешь, где это было.

Действительно, дно и откосы гладкие, суглинки, утрамбованные пятидесятитонными катками, напрочь закрыли все неровности.

— Вот зачистим малость верхушки откосов, укатаем инспекторскую дорогу по левому берегу и сдадим комиссии готовый шестисотметровый канал в скале, а сами пойдем дальше, на соединение с

Пчелиным, там уже много наших, — говорит на прощанье Михаил Федорович.

Ох, этот участок Пчелиный!

Не медовые соты оставило после себя Сарматское море. Оно

там простор. Там есть где «гулять».

Широк и глубок должен быть этот канал. Ведь по нему пойдут речные суда, на полноводной его артерии будут работать

надписью:

«Волгоградстрой—Черкесск» и платформами, груженными панелями, трубами, машинами, бревнами,—идет эта жизнь. Кругом громяют, движутся, сигналият

Булдозерист Л.А. Фролова

накатало многометровые толщи шлифованной гальки, природа намертво соединила, цементировала ее, и, кажется, нет такой силы, способной сокрушить эту земную крепость. Стальные зубья ковша экскаватора лишь скользят, высекая искры. Остается—взрывать.

— Это не тот случай, что на Оползневом, — поясняет Клименко, мастер по взрывам. — Хоть крепок был там мергель, но отступал, а ведь этот проклятый конгломерат и не бурится, засыпает скважины, заклинивает инструмент. Хоть плачь. Начали теперь бурить горизонтально. Пошло дело, ломаем по крохам.

— С километр осталось пробиться, — добавляет бригадир экскаватора № 28 Николай Михайлович Братков, — а

гидроэлектростанции. Они пошлют свет во многие безводные и засушливые районы Карачаево-Черкесии и всего края. Кубань-Калаусская система обводнит три миллиона и оросит двести тысяч гектаров земли. Можно себе представить, какое богатство подарит труженикам щедрая ставропольская земля, напившись кубанской воды.

КУБАНЬ-КАЛАУССКИЕ КАСКАДЫ

В городе Черкесске, на Красноармейской улице, появился новый дом. Длинный коридор первого этажа забит народом в брезентовых пиджаках, в ватниках, в резиновых сапогах; хлопают двери, стучат арифмометры. На базе у железнодорожной ветки, забитой вагонами с

самосвалы, грузовики, ревут сверхмощные «МАЗы». Не доезжая до станицы Суворовской, они сворачивают влево и еще долго чернеют на сверкающей ленте асфальтовой дороги, пока не скроются за большими увалами.

Там, в низине среди глубоких складок земли, идет строительство первой и второй ГЭС.

Рельеф, где пройдет канал, сложный, спуски-подъемы тянутся на всем пути. И вот на этих больших спусках, как их называют — перепадах, будут построены гидростанции.

Первая и Вторая Куршавского, затем Третья и Четвертая Барсучковского каскадов. На самой высокой точке перепада вода пойдет в громадные стальные трубы и ринется по ним на

лопасти турбин.

Так, двигаясь от станции к станции, заходя на колхозные поля, воды Кубани пройдут Четвертую ГЭС и за городом химиков — Невинномысском — вольются в свое родное русло.

Но это потом. А сейчас... Три раза за зиму испытывала природа людей. Особенно ярилась в феврале. Примчался с хребта ураган с мокрым снегом. Покрывл все инеем, потом ударил мороз. Наледенели провода, не выдержали тяжести и рухнули на землю. Не устояли и столбы — одни сломались, другие выдернуло с корнем, и так по всей трассе на многие десятки километров. Замерли на стройке электрические экскаваторы, что рыли котлованы для ГЭС, остановились бетономешалки, погас свет, остыли батареи в домах поселка... А к весне во что бы то ни стало, «душа вон», должен быть закончен холостой водосброс. Иначе бешеные внешние воды зальют котлован, прорвут плотину...

— Но, как видите, не случилось этого, — говорит мастер котлована ГЭС-2 Владимир Белов, — и котлован отрыли, и плотина цела. Коммунистическая бригада Дежалила Искандерова выручила, не знаем, когда спали они, бетонщики.

Из кабины высокого подъемного крана далеко видно окрест. Сверкает водная гладь у

плотины выравнивающего водохранилища. По ее горбу мчатся машины. Осенью будущего года под этим бугром будет стоять здание гидроэлектростанции, в ее просторных и светлых залах загудят турбины. А сейчас здесь монтируются блоки, поднимаются металлические опоры гиганта крана; на нем будут производить сборку гидротурбин.

Свистит и хлещет встречная волна степного ветра. Подняв воротники, вобрав головы глубоко в плечи, едут люди на открытой машине. Вот она резко свернула влево и покатила по крутому спуску. Машина стала, и люди, отряхиваясь и разминаясь, разошлись по своим местам. Здесь, внизу, под большим бугром, строится гидростанция № 1. Торчат леса опалубки, бетонщики бригады Николая Каузова заливают бетон. Тихо здесь в глубокой седловине, и неба почти не видно. Лишь на дальнем подоле водосброса, на просторной и ровной площадке кипит работа. Бригада Петра Андреевича Русакова монтирует новые экскаваторы.

— Вскоре приступим, — сообщает Русаков, — к главной нашей работе — монтажу шагающего экскаватора.

Для этого и прибыли сюда из юного города Чайковский, Пермской области, молодые ребята: Виталий Шкляев, Леонид Акатьев,

Володя Никулин, Алеша Сомакин и их вожак Петр Андреевич Русаков.

Этому гиганту экскаватору не нужны ни «МАЗы», ни бульдозеры. Четырехкубовый ковш на сорокаметровой стреле будет работать в отвалы по обе стороны, оставляя готовое русло канала.

ТАМ, ГДЕ БРОДЯТ ТУМАНЫ

На схеме трассы канала под условными квадратами стоит надпись «жилпоселок». Трудно представить себе, каков этот «жилпоселок» даже после того, как вам скажут, что в нем будет жить более трех тысяч человек. Но, прошагав последнюю сотню метров от асфальтового завода и взобравшись на вершину увала (где возьмет свое начало каскад № 2), вы остановитесь пораженные. Там, в низине, против будущей гидроэлектростанции, громоздятся черными силуэтами подъемные краны. Условные квадратики схемы оживают здесь в корпусах четырехэтажных домов. Правда, еще не все тридцать домов поднялись, высоко над землей. Заложены детсад и ясли, клуб и школа, больница, магазин, будет стадион и парк. Все будет. А сейчас уже есть обжитые новоселами дома со всеми, удобствами, завидной чистоты и культуры столовая, комбинат бытового обслуживания.

— Может быть, я не все назвал, что будет,— говорит Виктор Васильевич Расщупкин, секретарь партгруппы. — Но все будет, что определено проектом. — Он помолчал, посмотрел на закат:

— Опять туман придет, по облакам вижу. Часто они бродят по этой низине, плотные, густые, как на Балтике.

* * *

Сегодня начальство «Волгогидростроя» в разъездах. И секретарь партийной организации Иван Григорьевич Рожков, заменяя их всех, переместился в диспетчерскую. Вот он

сидит в пальто, заслонив половину единственного окна своей круглой фигурой.

— Скоро перекочем всем штабом в новый поселок. Ближе к гидростанции. Там жить — оттуда и руководить. — Он положил широкую ладонь на то место, где написано «ГЭС № 2». — Ей сейчас отдаем все свои силы. Но потом вона нас выручит, когда будем строить следующие ГЭС. О, эта кубань-калаусская семейка водных электростанций будет посильней Каховской на Днепре! Есть еще у проектировщиков дерзкая мысль, — рассказывает он, —

повенчать воды Кубани и Зеленчука в мощных турбинах одной гидростанции, тут, недалеко от Черкесска. Да только ли это! Лишь в верховьях Кубани запроектировано построить 14 гидроэлектростанций!

Но и это не столь отдаленная перспектива. А теперь стягивается и стягивается мощная техника на ставропольскую землю. Готовится удар по засухе и суховеям.

